

Сергей Патрушев

Бродяга

Сергей Патрушев

Бродяга

«Автор»

2026

Патрушев С.

Бродяга / С. Патрушев — «Автор», 2026

История о мужчине, который сделал одиночество своим искусством. Артём красив, умен и обладает редким даром — он видит женщин насквозь, чувствует их боль, страхи и тайные желания. Он щедро дарит им тепло, внимание и иллюзию понимания, но исчезает в тот самый момент, когда они начинают верить, что встретили "того самого". Он называет себя одиноким странником, свободным от привязанностей, но на самом деле бежит от страха — страха потерять себя в другом человеке, раствориться в чужих ожиданиях, превратиться в чью-то тень. Однажды он встречается девушку, которая не пытается его присвоить. Она тоже ценит свободу, и это пугает его сильнее всего. Артему предстоит пережить панику, побег и мучительное одиночество в чужом городе, чтобы наконец понять: настоящая свобода — это не отсутствие близости, а готовность впустить кого-то в свой мир, когда захочешь сам. Это роман о страхе любви, о цене независимости и о тишине, которую можно разделить только с тем, кто действительно тебя понимает.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Привкус кофе на пустой кухне	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сергей Патрушев

Бродяга

Глава 1: Привкус кофе на пустой кухне

Мир для Артема начинался не с резкого, раздражающего крика электронного будильника, который безжалостно разрывает хрупкую ткань сна, и не с холодного, безликого свечения экрана смартфона, услужливо подсовывающего бесконечную ленту новостей о чужих бедах и чужих амбициях, а с едва уловимого тактильного ощущения гладкой, прохладной простыни, скользящей под ладонью, и с той особенной, звенящей, почти оглушающей тишины, которая, словно плотный, непрозрачный туман, заполняла собой каждый уголок его холостяцкой, выверенной до последнего сантиметра квартиры. Он просыпался всегда за несколько секунд до того, как должен был сработать таймер, словно его внутренний, безупречно настроенный страж порядка не позволял грубой, навязчивой реальности врываться в его тщательно оберегаемое личное пространство посредством резкого, неприятного звука, нарушающего гармонию зарождающегося дня. В эти короткие, но бесконечно ценные мгновения он продолжал лежать с закрытыми глазами, внимательно прислушиваясь к ровному, спокойному биению собственного сердца и к тому, как бледный, разбавленный золотом утренний свет, словно нерешительный гость, медленно и осторожно просачивается сквозь неплотно задернутые шторы, постепенно наполняя комнату мягким, рассеянным сиянием, которое делало очертания предметов зыбкими и нереальными. Это было его личное, сакральное время, время до того, как нужно будет надеть на себя ту самую маску, которую он так тщательно и кропотливо отшлифовал за долгие годы сознательной жизни, время, когда он мог позволить себе быть абсолютно честным с самим собой, не опасаясь, что кто-то подсмотрит его истинное лицо.

Квартира, которую он снимал уже третий год и которая стала для него не просто местом жительства, а скорее неким абстрактным, почти стерильным убежищем, была безупречна в своей строгой, минималистичной функциональности, исключавшей любое проявление хаоса или непредсказуемости. Никаких лишних, случайных вещей, никаких накопленных годами сентиментальных безделушек, напоминающих о давно ушедших людях или пережитых эмоциях, никаких фотографий, запечатлевших моменты счастья или грусти — только темное, благородное дерево пола, отражающее свет, прохладный, сдержанный минимализм идеально выровненных светлых стен и редкие, но при этом невероятно дорогие и стильные предметы интерьера, которые он выбирал лично, руководствуясь не сиюминутным порывом, а глубоким пониманием собственных эстетических потребностей. Казалось, будто здесь обитает не живой человек из плоти и крови, а некий архитектурный эскиз, чертеж идеальной, но при этом совершенно пустой и безжизненной модели существования, где каждая линия выверена, а каждый предмет стоит на своем месте исключительно для поддержания общей гармонии. Артему невероятно нравилось это ощущение тотальной, всеобъемлющей пустоты, потому что именно она, эта пустота, давала ему жизненно необходимый для дыхания воздух, создавала то самое свободное пространство, в котором его мысли могли течь свободно и беспрепятственно, не натываясь на острые углы чужих ожиданий. В этом пространстве не было ничьих чужих, навязчивых ожиданий, разлитых в самом воздухе, не было молчаливых упреков, застывших в тяжелых складках идеально выглаженных штор, не было ни малейшего намека на чье-то постороннее присутствие, которое могло бы нарушить его уединение.

Поднявшись с кровати одним плавным, но в то же время полным сдержанной силы движением, он прошел босиком на кухню, ощущая ступнями приятную прохладу деревянного пола, которая окончательно прогоняла остатки сонного оцепенения, и привычным, отработанным до автоматизма жестом включил кофемашину, которая тут же отозвалась тихим, убаюкивающим урчанием, наполняя стерильное пространство кухни густым, горьковатым, невероятно бодрящим ароматом свежемолотого кофе, который, казалось, проникал в самые отдаленные уголки его сознания, пробуждая к жизни каждую клеточку тела. Он стоял у большого панорамного окна, опершись рукой о холодную столешницу, и медленно, смакуя каждый глоток, пил крепкий эспрессо из маленькой, почти невесомой белоснежной фарфоровой чашки, глядя на то, как где-то далеко внизу просыпается огромный, светлый город, постепенно наполняясь движением, звуками и цветом. Город, раскинувшийся перед ним, казался ему сейчас гигантским, беспокойным муравейником, где каждый его обитатель уже с самого раннего утра куда-то отчаянно спешит, что-то яростно доказывает, чего-то панически боится, пытается успеть за ритмом, который сам же и задает. Артем не спешил, потому что его собственный график был выстроен таким образом, чтобы полностью исключить саму возможность возникновения суеты и спешки. Его консультационная работа в сфере архитектурного дизайна, которой он занимался уже много лет и в которой достиг признанного мастерства, позволяла ему быть абсолютно свободным от кандалов офисного рабства, от бессмысленных совещаний, от корпоративной этики и от необходимости тратить драгоценные часы жизни на пустые разговоры с коллегами. Он был по-настоящему хорош в своем деле, потому что умел видеть саму суть вещей, их несущий каркас, их истинную функциональность и скрытый потенциал, с легкостью отбрасывая в сторону всю ту декоративную шелуху, которая мешает восприятию. Но сегодня работы не было, и он с особым, почти детским удовольствием осознавал, что сегодня был именно тот редкий день, который он мог потратить исключительно на себя, на восстановление внутреннего баланса, на наблюдение за миром без необходимости вступать с ним в какое-либо взаимодействие.

Утренняя пробежка в старом, заросшем вековыми липами парке была для него не просто физическим упражнением, а скорее сакральным ритуалом, почти религиозной медитацией, во время которой его разум очищался от всего наносного, а тело наполнялось живительной энергией. Ритмичный, гипнотический стук кроссовок по утрамбованному асфальту, размеренное, глубокое дыхание, наполняющее легкие свежим, прохладным воздухом, пронизывающий ветер, упруго обдувающий разгоряченное лицо, — всё это сливалось в единую симфонию движения, в которой он растворялся без остатка. Тело работало как отлаженный, смазанный механизм, послушный каждой его мысленной команде, и это ощущение полного контроля над собственной физической оболочкой доставляло ему ни с чем не сравнимое удовольствие. Артем прекрасно знал, что он красив, причем это знание не было проявлением тщеславия или самолюбования, а скорее являлось простой, бесстрастной констатацией факта, такой же очевидной, как знание о том, что у него карие глаза, высокий рост или прямой нос. Его атлетичная, пропорционально сложенная фигура, правильные, мужественные черты лица, легкая, умышленная небритость, придававшая его облику брутальный шарм, — всё это было лишь частью той самой оболочки, тем самым фасадом, за который его так охотно принимали окружающие. Он часто, даже слишком часто ловил на себе взгляды: заинтересованные, оценивающие, откровенно приглашающие, а иногда и откровенно похотливые, и он давно привык к ним, как привыкают к уличному шуму или запаху выхлопных газов. Когда-то, в далекой юности, это внимание льстило ему, будоражило кровь и дарило ощущение собственной значимости, но теперь оно лишь безмерно утомляло, потому что он научился видеть за этими взглядами не восхищение его личностью, а лишь примитивную оценку его внешних данных. Его внешность была

той самой витриной, за которой, как ему с горечью казалось, никто не желал разглядеть товар, никто не стремился заглянуть глубже, за блестящую поверхность.

Он отчетливо видел, как женщины смотрят на него, как их глаза скользят по его лицу и телу, мгновенно создавая в своем воображении идеализированный образ, который не имел к нему самому ни малейшего отношения. Они видели лишь картинку: успешный, уверенный в себе, сильный и надежный мужчина, способный решить все их проблемы и защитить от любых невзгод. Они не видели и не хотели видеть, как он подолгу сидит в абсолютной тишине, бесцельно глядя в одну точку, как ему нравится запах мокрого асфальта после летнего дождя, как его раздражает и злит любая несправедливость, скрытая за вежливыми, дипломатичными формулировками. Они видели перед собой прекрасную скульптуру, но совершенно не замечали тех невидимых глазу трещин, которые покрывали постамент, на котором эта скульптура возвышалась. Его эмпатия, развитая до болезненной, почти патологической остроты, была его самым тяжелым проклятием, тем самым даром, который на самом деле был наказанием. Он слышал не только те слова, которые ему говорили, но и те, о которых старательно молчали, которые прятались в паузах, в интонациях, в мимолетных жестах. Он считывал микромимику, едва заметные движения бровей, дрожание ресниц, неуверенные, полуулыбки, нервные прикосновения к волосам, и все эти знаки складывались для него в единую, ясную картину душевного состояния собеседника. Он видел их глубинные страхи, их отчаянную, всепоглощающую жажду любви и принятия, их готовность вцепиться в него, как в спасательный круг, случайно брошенный в бушующее море их собственного одиночества и неуверенности.

Он категорически не хотел быть этим спасательным кругом, не хотел, чтобы его любили исключительно за ту роль, которую он мог бы сыграть в чьей-то чужой, запутанной жизни, за ту функцию, которую он мог бы выполнить, за те дыры, которые он мог бы собой заткнуть. Он отчаянно хотел, чтобы его любили за него самого, за ту сложную, противоречивую и замкнутую личность, которой он являлся, но при этом панически боялся этой самой любви, потому что она неизбежно пришла бы в комплекте с обязательствами, с необходимостью отчитываться за каждый свой шаг, с тяжелым, удушающим бытом, который, как он полагал, способен убить любое живое чувство. Это было то самое неразрешимое противоречие, которое он прекрасно осознавал, но не мог, да и, по правде говоря, не хотел разрешать, потому что сама попытка его разрешения потребовала бы от него отказа от самого себя. Его свобода, его внутренняя автономия стоила для него дороже любой, даже самой искренней, самой глубокой и самой жертвенной привязанности, которую ему могла бы предложить женщина.

Пробежка, длившаяся около часа, закончилась у входа в небольшое, уютное кафе, спрятавшееся в тихом, почти безлюдном переулке, вдали от шумных туристических троп и оживленных проспектов, и это место уже давно стало его личным убежищем, его секретным местом, где он мог спокойно посидеть с чашкой превосходно сваренного кофе, наблюдая за жизнью через большое витринное стекло, словно за немым кино. Внутри кафе пахло свежее испеченной выпечкой, корицей и какими-то неуловимыми, уютными ароматами, которые мгновенно навевали мысли о домашнем тепле и беззаботном детстве. Сегодня в этот час посетителей было на удивление немного, и за стойкой, среди блестящих кофейных аппаратов и стеклянных витрин с десертами, стояла незнакомая девушка, чье появление здесь он отметил сразу, как только переступил порог.

Артем мгновенно, интуитивно заметил её, выделив из общего фона, словно она была единственным живым пятном в этом статичном, застывшем интерьере. Она была похожа на натянутую до предела струну, готовую в любой момент лопнуть: хрупкая, почти эфемерная,

с бледным, уставшим лицом, лишенным здорового румянца, и собранными в небрежный, слегка растрепавшийся пучок пепельно-светлыми волосами, которые явно не знали заботливой укладки уже несколько дней. Её движения были какими-то механическими, заученными, лишенными естественной грации, словно она выполняла свою работу на автопилоте, а взгляд её больших, но совершенно потухших глаз был отсутствующим, направленным куда-то внутрь себя, в те темные и неуютные глубины, куда она сама боялась заглядывать. Она принимала заказы у редких посетителей, вежливо улыбалась своей дежурной, отработанной улыбкой, но её глаза при этом оставались абсолютно погасшими, не выражающими ни радости, ни интереса, ни даже простого любопытства. Это был тот самый случай, когда человек физически находится здесь, за стойкой кафе, но его душа, его сознание витают где-то далеко, возможно, в каком-то мрачном, неприветливом месте, из которого она никак не может найти выход.

Он прошел и сел за свой обычный столик у окна, откуда открывался вид на тихий переулок с редкими прохожими и припаркованными машинами, и стал ждать, пока девушка подойдет к нему с блокнотом в руках, чтобы принять заказ. Когда она наконец приблизилась, он на мгновение поднял на неё глаза и заказал свой стандартный утренний американо, но пока она быстро записывала его слова в небольшой черный блокнот, он успел внимательно, но незаметно рассмотреть её, словно сканируя её состояние. Его обостренное восприятие мгновенно выхватило из общей картины глубокие, темные тени под глазами, которые не мог скрыть даже плотный слой тонального крема, след от кольца на безымянном пальце правой руки, который явно указывал на недавно снятое обручальное кольцо, и слишком сильно, почти до белизны сжатые губы, которые говорили о сильном внутреннем напряжении и подавленных эмоциях. Он увидел в ней такую всепоглощающую, глубинную усталость, смешанную с едва сдерживаемым глухим раздражением, что ему на мгновение стало не по себе от того, насколько сильно человек может страдать, продолжая при этом механически выполнять свои повседневные обязанности. Это была внутренняя боль, затянувшаяся, как затяжная осенняя слякоть, которая никак не хочет заканчиваться, оставляя на душе липкий, промозглый след.

Когда она вернулась и аккуратно поставила перед ним белую фарфоровую чашку с дымящимся кофе, он не просто коротко кивнул в знак благодарности, как делал это обычно, а осознанно поднял на неё свои темные, внимательные глаза и мягко, с той особенной, проникновенной интонацией, которая была его тайным оружием, произнес:

— Спасибо вам большое. У вас очень красивая форма. Вам невероятно идет этот фартук.

Это не было ложью, и это не было грубой, примитивной лестью, рассчитанной на то, чтобы смутить или очаровать. Он действительно заметил, что простой бордовый фартук, который был частью униформы этого кафе, выгодно подчеркивает её тонкую, изящную талию и придает всему её облику какую-то трогательную, почти детскую аккуратность, которая контрастировала с её уставшим лицом.

Она на секунду замерла, словно не поверив услышанному, словно его слова были первыми добрыми словами, которые она услышала за последние несколько дней, и это было настолько непривычно для неё, что она не знала, как реагировать. Затем её щеки тронул легкий, едва заметный румянец, а в самых глубинах её потухших глаз, на самом дне, промелькнула крошечная, но такая живая искорка удивления и благодарности. Она слабо, неуверенно улыбнулась, уже не той дежурной, фальшивой улыбкой, которой одаривала других посетителей, а по-настоящему, одними уголками губ, и в этой улыбке было столько трогательной беззащитности, что у Артема на мгновение сжалось сердце.

— Спасибо, — ответила она тихо, почти шепотом, и её голос едва заметно дрогнул, выдавая то эмоциональное потрясение, которое она так старалась скрыть.

Артем сделал медленный глоток обжигающе горячего кофе, чувствуя, как его насыщенный, терпкий вкус растекается по всему телу, и в голове его уже складывалось полное понимание того, что только что произошло между ними. Он не совершил ничего сверхъестественного, не произнес никакой сакральной формулы и не сделал ничего такого, что потребовало бы от него титанических усилий. Всего лишь два простых слова, но они упали на благодатную, хорошо удобренную страданиями почву её измученной души, словно живительная влага на иссохшую землю. Он увидел, как её плечи немного расправились, как она пошла к другому посетителю уже чуть более легкой, уверенной походкой, как в её движениях появилась та самая плавность, которой так не хватало минуту назад. Его эмпатия сработала безошибочно, как хорошо настроенный музыкальный инструмент, из которого он извлек именно ту ноту, которая была необходима в данный момент. Он мгновенно вычислил её тайную, тщательно скрываемую рану — глубочайший недостаток признания, мучительное ощущение собственной невидимости, незначимости, неспособности быть замеченной и оцененной. И он дал ей то, чего она так отчаянно жаждала, сам того не требуя взамен, — короткий, но такой яркий миг внимания, подтверждение того, что она существует, что она заметна, что её присутствие в этом мире имеет хоть какое-то значение.

Он допил свой кофе, не торопясь, растягивая удовольствие от вкуса и от осознания своей маленькой, но такой важной победы, и, прежде чем встать, оставил на столике аккуратно сложенную купюру, которая была втрое больше суммы его заказа. Щедрость для него не была показной, не была жестом, рассчитанным на то, чтобы произвести впечатление, а являлась чем-то инстинктивным, почти рефлекторным, вытекающим из его обостренного понимания чужих финансовых трудностей. Он знал, что для этой девушки, работающей официанткой в небольшом кафе, эти деньги сейчас, возможно, станут решением какой-то маленькой, но такой важной проблемы, позволят ей купить что-то вкусное к одинокому ужину, оплатить неотложный счет или просто почувствовать себя немного увереннее и свободнее в этом мире, который так жесток к тем, кто находится в уязвимом положении. И в то же самое время он уже твердо знал, что больше сюда никогда не придет, что этот визит был первым и последним, что он сознательно оборвет эту едва зародившуюся нить, не давая ей разрастись во что-то большее.

Эта мысль отозвалась в его груди легкой, едва уловимой грустью, похожей на ту, что возникает при прощании с чем-то хорошим, но заведомо временным. Он почувствовал острый укол сожаления от того, что не увидит продолжения этой маленькой истории, что не узнает, как сложится её жизнь дальше, сможет ли она выкарабкаться из той ямы, в которой оказалась. Ему по-настоящему нравилось зажигать свет в чужих, потухших глазах, возвращать людям веру в то, что они достойны внимания и доброго слова. Он чувствовал себя в такие моменты кем-то вроде волшебника, который прикосновением своей эмпатии способен на мгновение преобразить чужую реальность, или, точнее, Прометеем, но только наоборот. Великий Прометей украл огонь у богов и понес страшное, вечное наказание за то, что дал этот огонь людям навсегда, обрекая себя на вечные муки. Артем же давал лишь тепло здесь и сейчас, маленькую, робкую искру, которая согреет ровно настолько, насколько нужно, чтобы человек почувствовал себя живым, а потом бесследно погаснет, не оставив после себя ни обязательств, ни чувства вины, ни необходимости поддерживать это пламя в дальнейшем. Он боялся, что если он останется, если он начнет давать это тепло постоянно и систематически, он сам сторит в этом огне, превратится в обслуживающий персонал чужой душевной жизни, в костыль, без которого человек

разучится ходить самостоятельно. Он не хотел, чтобы кто-то зависел от него, потому что сам он не хотел зависеть ни от кого.

Он вышел на улицу, и яркое, поднявшееся уже высоко солнце залило город ослепительным, почти агрессивным светом, от которого пришлось на мгновение прищуриться. Артем сунул руки в карманы своей легкой, спортивной ветровки и пошел пешком, без определенной цели, просто наслаждаясь самим процессом движения, ощущением того, что он свободен идти куда угодно и делать что угодно. Внутри него было тихо, спокойно и как-то торжественно-пусто, словно в огромном, величественном соборе, где нет ни единого прихожанина. Одиночество не тяготило его, не вызывало тоски или желания немедленно найти кого-то, с кем можно было бы разделить эту тишину. Напротив, оно было его самым верным, самым преданным спутником, который никогда не предаст, не потребует отчета, не устроит безобразную истерику из-за того, что он задержался на работе или не перезвонил вовремя. Одиночество просто будет рядом, пока он сам этого хочет, и исчезнет, как только он его прогонит, не оставив после себя ни обид, ни претензий.

Он медленно шел по тротуару, рассеянно разглядывая витрины магазинов и лица прохожих, и размышлял о сегодняшнем утре, о той странной, мимолетной встрече, которая оставила в его душе легкий, но отчетливый след. Официантка. Милая, трогательная, но при этом сложенная жизнью, с потухшими глазами и дрожащим голосом. Он почти физически, на уровне собственной кожи, ощущал её отчаянную потребность в том, чтобы кто-то сильный, уверенный и надежный взял её за руку и вывел из той глубокой эмоциональной ямы, в которой она оказалась. Он отчетливо видел тот сценарий, который с неизбежностью развернулся бы, согласись он на продолжение знакомства. Восхищение, безграничная благодарность, стремительное, почти лихорадочное сближение. Она бы начала рассказывать ему о своих бедах, о своих разочарованиях, о том, как несправедлива была к ней жизнь, а он бы слушал, сочувствовал, давал советы, утешал, становился бы для неё тем самым оплотом надежды, в котором она так нуждалась. Он стал бы её героем, её спасителем, единственным человеком, который её понимает. А потом... потом началась бы та самая, пугающая его до дрожи стадия, которой он старался избегать всеми силами. Она бы захотела, чтобы он принадлежал ей безраздельно и навсегда. Она бы начала ревновать его к его свободе, к его молчанию, к его времени, к его друзьям, к его увлечениям. Она бы попыталась «заземлить» его, привязать к себе надежными, крепкими узлами быта, совместных планов и обязательств, из которых так трудно потом выпутаться. Она бы захотела, чтобы он стал её «домом», её крепостью, её тылом, а он не хотел быть ничьим домом, потому что сам был вечным странником, который снимает комнаты в чужих жизнях, но никогда не прописывается в них на постоянной основе.

Люди, не способные заглянуть глубже поверхности, ошибочно принимали его за жестокого, циничного соблазнителя, который коллекционирует разбитые женские сердца, получая от этого извращенное удовольствие. Но он был гораздо хуже. Он был коллекционером улыбок, вызванных им к жизни, коллекционером тех коротких вспышек надежды, которые он зажигал в чужих глазах, чтобы потом бесследно исчезнуть из их жизни. Ему нравился сам процесс дарения, а не обладания, сам акт безвозмездной помощи, а не та власть, которую можно получить над человеком, оказав ему услугу. Он не хотел запираť себя в одной, пусть даже самой уютной и любящей комнате, даже если эта комната — чье-то горячее, преданное сердце. Его домом был весь этот огромный, многоликий мир: шумные проспекты, заполненные спешащими людьми, тихие парки, где можно укрыться от суеты, полумрак кинозалов, где реальность отступает на задний план, случайные, ни к чему не обязывающие разговоры с незнакомцами в барах, короткие, но яркие впечатления от новых мест. Недосказанность была его религией,

его философией, его способом взаимодействия с миром. В недосказанности нет места ссорам, взаимным претензиям, разочарованию от неоправдавшихся ожиданий, усталости от однообразия. Только чистый, концентрированный вкус момента, который никогда не повторится, и именно поэтому он так ценен.

К полудню он, незаметно для себя самого, оказался в самом центре города, где жизнь была ключом, где смешивались запахи уличной еды, духов и выхлопных газов, где звуки музыки уличных музыкантов сплетались с шумом проезжающих машин и обрывками разговоров. Он нашел свободную скамейку в небольшом, утопающем в зелени сквере, подставил лицо теплым, ласковым лучам солнца и стал наблюдать за голубями, которые с важным, деловым видом вышагивали по неровной брусчатке, выискивая крошки. Рядом с ним на скамейке сидела пожилая пара, которая, казалось, провела вместе уже не один десяток лет. Они молчали, но это было какое-то особое, уютное, наполненное глубинным смыслом молчание, которое возможно только между людьми, достигшими абсолютного взаимопонимания. Артем на мгновение попытался представить себя на месте этого старика, представить, что рядом с ним сидит женщина, с которой он прожил целую жизнь, с которой он делил радости и горести. Смог бы он всю жизнь прожить с одним человеком, не испытывая при этом удушья? Слушать, как она дышит по ночам, знать все её привычки, все её болячки, все её маленькие недостатки, которые со временем начинают раздражать? Нести тяжелое бремя ответственности за её чувства, за её благополучие до самого конца своих дней? Эта мысль не вызвала у него ни отвращения, ни панического страха, ни острой тоски по несбывшемуся. Она вызвала лишь спокойное, философское недоумение, какое возникает при попытке понять что-то, что находится за пределами твоего опыта. Он не знал, что такое любовь в долгосрочной перспективе, любовь, прошедшая через десятилетия совместной жизни, любовь, ставшая чем-то вроде привычки, но при этом не утратившая своей глубины. Он знал, что такое симпатия, страсть, мимолетное очарование, которое вспыхивает и гаснет, как спичка на ветру. Любовь же казалась ему чем-то вроде религии, в которую он не был посвящен, в таинствах которой ему не дано разобраться.

Он перевел взгляд на проходящих мимо женщин, и его обостренное восприятие снова заработало в полную силу. Красивые, ухоженные, спешащие по своим важным делам, они были как на ладони для его эмпатического рентгена. Вот эта, с идеальной укладкой, в дорогих, явно дизайнерских туфлях, отчаянно боится старости и одиночества, и каждый её поход в салон красоты — это маленькая победа в войне с неумолимым временем. Та, что громко смеется в трубку телефона, на самом деле уже месяц не может простить своему мужу какую-то мелочь, и этот смех — лишь маска, скрывающая глубокую обиду. А вон та, юная, с рюкзаком и наушниками, ищет приключений и новых впечатлений, но при этом боится сделать первый шаг, боится выйти из своей зоны комфорта. Эмпатия работала как мощный рентгеновский аппарат, просвечивая их насквозь, обнажая их тайные страхи и нереализованные желания. Он не осуждал их, не испытывал к ним презрения или превосходства, он просто не хотел быть частью их историй, не хотел становиться персонажем в их жизненных сценариях. Он устал от того, что люди видят лишь оболочку, но сам при этом, по иронии судьбы, тоже не мог увидеть в них той глубины, ради которой стоило бы остаться, ради которой стоило бы пожертвовать своей драгоценной свободой.

Вечером, когда солнце уже начало клониться к горизонту, окрашивая небо в невероятные оттенки оранжевого и розового, он вернулся домой, в свою стерильную, тихую квартиру, которая встретила его всё той же благословенной, умиротворяющей тишиной, словно старый друг, который просто рад его видеть и не требует никаких слов. Он переоделся в свободную, домашнюю одежду, налил себе стакан прохладной, отфильтрованной воды и подошел к боль-

шому окну, за которым уже начинал разгораться вечерний город, переливающийся тысячами, миллионами огней. Каждый этот огонек был чьей-то жизнью, чьей-то радостью или чьей-то тихой, незаметной драмой, разворачивающейся за закрытыми шторами. Артем стоял и смотрел на это бесконечное море света, чувствуя себя не частью этого огромного, бурлящего мира, а скорее сторонним наблюдателем, беспристрастным исследователем, который случайно забрел на чужую, незнакомую планету и теперь пытается понять её законы и правила. Его одиночество не было ни трагедией, ни позой, ни способом эпатировать окружающих, ни следствием какой-то детской травмы. Это был его осознанный, выстраданный, тщательно взвешенный выбор, его способ существования в этом мире, который он не собирался менять.

Он любил свободу не как вульгарную возможность гулять с разными женщинами, не как право на безответственные поступки, а как нечто гораздо более глубокое и экзистенциальное. Нет, физическая близость без душевной составляющей, без эмоциональной связи, без подлинного интереса к личности партнера его совершенно не интересовала, казалась ему чем-то примитивным и опустошающим. Он любил свободу молчать, когда хочется молчать, и не испытывать при этом чувства вины за то, что твое молчание может кого-то обидеть или обеспокоить. Свободу встать и уйти, когда исчерпан интерес, когда разговор зашел в тупик, когда атмосфера стала удушающей. Свободу не быть чьим-то спасательным кругом, за который хватаются в панике, не быть чьим-то трофеем, выставленным на всеобщее обозрение, не быть чьей-то «второй половинкой», подразумевающей, что ты сам являешься лишь половиной, неполноценной без кого-то. Он был цельным, самодостаточным, и ему не требовалось дополнение, чтобы ощущать полноту собственного бытия.

Он снова вспомнил сегодняшнюю официантку, её потухшие глаза и ту робкую, благодарную улыбку, которую ему удалось вызвать. Интересно, как она распорядилась его щедрыми чаевыми? Наверняка, купила себе что-нибудь вкусное к ужину, какой-нибудь запретный десерт, который она обычно себе не позволяет. Или, может быть, отложила их на оплату аренды, добавив к своим скудным сбережениям. Или... да, впрочем, какая теперь разница? Главное, что он сделал её день чуть более светлым, чуть менее серым и беспросветным, что он подарил ей немного тепла, не взяв ничего взамен. Это было его секретное оружие, его тихая, незаметная благотворительность, которая позволяла ему чувствовать себя не просто потребителем, а человеком, способным что-то дать этому миру. Прометей наоборот, который не крадет божественный огонь, чтобы отдать его людям, а лишь на мгновение зажигает маленькую, робкую спичку, чтобы осветить путь в темноте, и тут же бросает её, не дожидаясь, пока пламя обожжет ему пальцы. Он не боялся, что рано или поздно встретит ту самую женщину, ради которой ему захочется остаться, ради которой он будет готов отказаться от своей свободы. В глубине души, в самых потаенных уголках своего сердца, он даже немного жаждал этой встречи, жаждал, чтобы кто-то смог пробить его броню, увидеть не только оболочку, но и то, что скрывается за ней. Но пока он не встретил такого человека, и, возможно, не встретит уже никогда. И это тоже было частью его пути, частью его предназначения, которое он принимал со смирением.

Ночь, незаметно подкравшись, опустилась на город, укутав его своим темным, бархатым покрывалом, усыпанным мириадами звезд, которые, впрочем, были едва различимы из-за яркой городской засветки. Артем отошел от окна, чувствуя приятную усталость во всем теле после долгого дня, проведенного в движении и размышлениях. Завтра будет новый день, новый чистый лист, на котором он сможет написать что угодно. Возможно, он возьмется за какой-нибудь интересный проект, который потребует от него полного погружения. Возможно, поедет в другой конец города, чтобы выпить кофе в совершенно незнакомом кафе и понаблюдать за новой порцией человеческих историй. Возможно, подарит кому-то еще одну улыбку, еще один

короткий миг надежды, не требуя ничего взамен. И это было самое прекрасное в его жизни — неизвестность следующего шага, полное отсутствие якорей, которые могли бы удержать его на одном месте. Он прошел в спальню, лег на прохладную, гладкую простыню, которая приятно холодила разгоряченную после душа кожу, и закрыл глаза, готовясь раствориться в темноте. Тишина вновь обняла его своими невидимыми, надежными руками, как старого, верного друга, который никогда не предаст. И в этой глубокой, всеобъемлющей тишине он наконец почувствовал себя по-настоящему дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.